

ДВА РОЖДЕНИЯ В ИОЛЕТТЫ

У НЕЕ НЕТ специального альбома для фотографий. На него не хватает времени. И они хранятся в твердых коричневых корочках адреса, полученного от областного управления культуры в день бенефиса.

Сколько их тут, этих карточек, и больших и маленьких, снятых любителями и солидным театральным фотографом! И каждая дорога, каждая о чем-то напоминает, вызывает в душе отголоски пережитых радостей, тревог и волнений.

Девушка с мечтательной улыбкой и розой в руке. Джильда. Когда она пела впервые эту партию? Кажется, в пятьдесят шестом. На третий год после окончания консерватории.

Маргарита... Это было уже в пятьдесят седьмом. Сколько радости и наслаждения доставили тогда ей репетиции и спектакли!

И вдруг среди множества театральных фотоснимков — девушка с гладкой прической в простеньком платье. А на обратной стороне никаких указаний на роль. Просто: «Ростов, пединститут».

Да, тогда Виргиния Никитина еще и не помышляла об опере.

Семья была музыкальной. Отец — инженер — любил песни и музыку. Но когда дочь, окончив школу, заинтересовалась своим желанием поступить в музыкальное училище, он довольно твердо посоветовал:

— Выбери, дочка, профессию понадежнее. Голос, знаешь, штука капризная. Сегодня есть, а завтра нет.

Было у нее еще одно увлечение — литература. И решила:

— Ладно. Поступлю в педагогический.

Война помешала закончить институт. Учила детей в начальной школе. Арифметика, русский и письмо. Это само собой. Но еще и пение. Потом работа в редакции железнодорожной газеты «Звезда». Вечная спешка. Командировки, летучки.

КАЗАЛОСЬ, русло жизни определилось. Но, видно, от самой себя не уйдешь. Она вдруг почувствовала, что не может жить без пения без сцены. И подала заявление в музыкальное училище.

Ее чистый кованый голос и уже приобитая вокальная техника подкупали на саратовском кустовом смотре музыкальных училищ дирижера Московской консерватории Шерешевского и директора Куйбышевского оперного театра Садковского.

Шерешевский предложил:

— Поступайте в консерваторию.

Садковский заметил:

— Встанет вопрос о работе, помните в Куйбышеве есть опера. Москва! 5 лет консерваторской учебы. Вспомнились слова Садковского:

— В Куйбышеве есть опера.

Прием был радужным. И сразу же предложена ведущая партия «Травиату» готовили на гастролях в Калинин.

Она быстро стала одной из ведущих солистов театра. Следом за Виолеттой — Людмила Марфа, Маргарита Антониде, Лакме. В общем, пожелать никак нельзя. И пресса очень доброжелательна к молодой певице.

А чувствовала себя Виргиния беспокойно. Где-то глубоко внутри сидело и горило душ томление. В самом деле. Рецензенты очень своеобразно хвалят ее.

«Ни единой запятой, ни единого отступления от линии, проложенной композитором». Это о ее

Антониде из «Ивана Сусанина».

«Легко и свободно льется красивый и теплый голос исполнительницы. Артистка поступает правильно, проводя почти всю свою партию на сдержанном звучании». Это о Марфе из «Царской невесты».

«С трудной в вокальном отношении партией артистка Никитина справляется успешно. Голос ее обаятелен и свеж, ровен по своему диапазону». Это о Людмиле из «Руслана и Людмилы».

Только один рецензент, отдавая должное данным способной певицы, то и дело замечает:

«...Но хотелось бы, чтобы Микаэла, пережив разрыв с Хозе, его уход в шайку контрабандистов, разыскивая его ночью в горах, чем оставалась той спокойной, робкой девушкой, какой мы видим ее в 1-м акте». Речь идет о Микаэле из «Кармен».

«...В ней нет вдохновенной силы, с которой сказочная царевна восстанавливает правду и справедливость в событиях сказки». О царевне Лебеди из «Сказки о царе Салтане».

«...Но недостаток темперамента в пении и игре делает развитие образа этой смелой и решительной девушки для зрителя как бы притушенным». На этот раз в виду имеется Лаура из «Нищего студента».

Строгим и взыскательным рецензентом, требовательно следившим за каждым шагом оперной карьеры певицы, был народный артист республики Георгий Александрович Шебурев. Он признавал чудесный тембр голоса Никитиной, ее тонкую музыкальность, вокальную технику, видел ее возможность. Но он хотел, чтобы образы, создаваемые артисткой, были согреты большим и искренним чувством, чтобы она вращалась в психологию своих героинь, овладевала бы секретами сценического перевоплощения.

В НАЧАЛЕ 1961 года на гастрольную постановку «Травиату» из Свердловска приехал народный артист РСФСР режиссер Н. К. Давтов. Очень довольный голосовыми данными Никитиной, он тем не менее обнаружил излишнюю сдержанность ее поведения на сцене, скупость жеста и скупость самой манеры пения.

— Вы должны жить на сцене. Вы должны жить в образе. Верьте мне, что Палладин не имел бы половины своей славы, если бы не его игра, его великолепное сценическое искусство. Дайте волю темпераменту.

Прошло много времени с той премьеры. Но в тех, кто следил за творческим путем Никитиной до сих пор, вероятно, держатся в

памяти сцены и картины оперы, в которых певица буквально поразила нас своим открытием сложного человеческого характера Виолетты.

Вспомните первую же мизансцену после открытия занавеса. Красивая и беспечная женщина сидит в красном платье на столе среди цветов и бокалов — с шампанским, королева полусвета, одна из самых модных и шикарных куртизанок Парижа. И какой нужно было артистке сделать тонкий, убедительный и сильный психологический «нажим» на зрителя, чтобы убедить его в том, что и она, эта падшая женщина, способна на глубокое, чистое и самоотверженное чувство. Никитина сделала этот «нажим». Сделала его так тактично, незаметно и артистично, что роман Виолетты захватил зрителей, заставил их волноваться и переживать ее горестную судьбу, завершившуюся трагической смертью.

Уже не раз спетая партия красками, новыми необычными звучаниями. В нее было привнесено то, чего давно не хватало ей, — тепло, человечность, правдивость и искренность.

И Шебурев с радостью первооткрывателя пишет после премьеры: «Сценическая сторона исполнения Никитиной всегда отставала от музыкальной, да и в пении ее мы часто ощущали некоторый досадный холодок. На этот раз перед нами была оперная актриса в самом высоком понимании этого слова. Все было спето и сыграно правдиво и артистично, в благородном стиле, с безукоризненной интонацией и тонкой музыкальностью. Мы слышали зачастую такую теплоту и сердечность тембровых окрасок, которую нам до сих пор не приходилось слышать у Никитиной».

СТОИ ПОРЫ прошел не один год. Возмужал и окреп талант Виргинии Никитиной. На ее счету много интересных, полнокровных оперных и опереточных образов, запомнившихся и куйбышевцам, и зрителям тех городов, где театр бывает на гастролях. И на всех этих образах мы замечаем следы того нового в творчестве актрисы, что она приобрела и открыла в себе, рождая «свою» Виолетту.

Ее Розина из «Севильского цирюльника» стала легче, озорней и шаловливой в своей хитрой войне со старым, влюбленным в нее опекуном.

Страдания ее Джильды, несмотря на сложность колоратуры, стали более глубокими и человечными.

Появилось и уже никогда не исчезнет сценическое, а вместе с ним и вокальное освобождение, которого мы ждали от одаренной артистки.

Но свою Виолетту, с которой она по-настоящему познала большое, радостное и мучительное счастье творческого поиска, Виргиния не забудет никогда.

Не легким и не простым был путь к успеху Виргинии Никитиной. Это был путь труда и поиска, путь огорчений и радостей. И только такой путь приводит к прочному положению в искусстве, к признательности и любви зрителей.

Все это есть сегодня у заслуженной артистки республики Виргинии Никифоровны Никитиной. Есть и приумножается. И мы рады, что были свидетелями и очевидцами ее роста, ее постепенного превращения в зрелого, большого художника любимого народом оперного искусства.

Андрей ВЯТСКИЙ.